

Взаимопроникновение русской философии и других сфер общественного сознания

А.Д. Сухов

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-108-124

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В числе характерных признаков русской философии – ее открытость и взаимопроникновение с другими сферами общественного сознания. В Средние века функции философии пыталось принять на себя православие, точнее: его теоретическая часть – теология. Философия оказалась не просто под эгидой религии, как это было в Западной Европе и Византии, но в ее недрах. Активная философская жизнь проявляла себя под нефилософскими покровами. Философский смысл несла в себе русская литература. В числе писателей, причастных к философии, есть такие, которые, бесспорно, являются великими. Это Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. То, что внесено каждым из них в философию, неоднозначно и по своим размерам и по своей направленности. Вследствие открытости русской философии сложилось и такое идейное образование в ней, которое граничило с естествознанием. Будучи философским по принадлежности, оно имело с естествознанием прочные и устойчивые связи. Не менее значимо для русской философии соприкосновение ее с исторической наукой. Философские представления и категории привлекаются к изучению исторических событий и процессов. Обогащенная философией, историческая наука, в свою очередь, не остается посторонней для нее. Философствующие историки оказали воздействие и на такие разделы философии, как философия истории, философия социальная и политическая, философия религии, философская антропология... Русская философия проникала и в другие сферы – музыку, живопись, где она была представлена достаточно значимыми творческими фигурами, в частности А.Н. Скрябиным, Н.К. Рерихом. Философские взгляды Скрябина и Рериха не ограничивались рамками их теоретических, философских построений. Художественная интуиция воплощала их в творения искусства. Контакты тех или иных проявлений русской философии с другими областями интеллекта не утрачивают своей привлекательности и сегодня.

Ключевые слова: русская философия, открытость философии, теология, литература, наука, искусство.

Сухов Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
alexser015@yandex.ru

Цитирование: Сухов А.Д. (2018) Взаимопроникновение русской философии и других сфер общественного сознания // Философские науки. 2018. № 8. С. 108–124.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-108-124

The Interconnections between Russian Philosophy and Other Realms of Public Consciousness

A.D. Sukhov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-108-124

Original research paper

Summary

Among the characteristic features of Russian philosophy, there is its openness and connections with other realms of public consciousness. In the Middle Ages Orthodox religion (i.e. theology as theoretical part of it) was trying to take over the main functions of Russian philosophy. Philosophy was not just under the aegis of religion, as it was in Western Europe and Byzantium, but in its depths. Active philosophical life manifested itself under non-philosophical covers. Russian literature also is involved in philosophy. A plenty of a philosophical writers could doubtlessly be called great. They are: Nikolai Gogol, Fyodor Dostoevsky, Leo Tolstoy, etc. The things that each of them has brought into philosophy are very different in size and direction. As a result of the openness of Russian philosophy appears a unique ideological element which borders on natural science. This element was philosophical on its nature, but it had a strong and sound ties with natural science. No less important for Russian philosophy its connection with historical science. Philosophical ideas and categories are involved in the study of historical events and processes. Historical science, enriched with philosophy, does not remain extraneous to it. Philosophical historians also influenced different sections of philosophy: philosophy of history, social and political philosophy, philosophy of religion, philosophical anthropology... Russian philosophy penetrated into other spheres – music, painting, etc., where it was represented by quite significant figures, in particular – Alexander Scriabin, Nikolay Roerich. The philosophical views of Scriabin and Roerich were not limited to the framework of their theoretical, philosophical constructions. Artistic intuition embodied these constructions in the creation of art. Nowadays

contacts of Russian philosophy in its various manifestations with other areas of intelligence also do not lose their attractiveness.

Keywords: Russian philosophy, openness of philosophy, theology, literature, science, art.

Andrei Sukhov – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

alexser015@yandex.ru

Citation: Sukhov A.D. (2018) The Interconnections between Russian Philosophy and Other Realms of Public Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 8, pp. 108–124.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-108-124

Введение

Русская философия своеобразна, она не похожа на другие национальные философии, в том числе на те, которые принято считать эталонами, образцами. Одна из особенностей ее – открытость, соприкосновение с целым рядом других сфер общественного сознания. Так что, если изъять то, что она разделяет с другими, нефилософскими, дисциплинами, то из ее истории выпадет многое, и в некоторые периоды ее, если искать ее в чистом виде, от нее почти ничего не останется.

Какие же контакты русской философии с другими духовными компонентами особенно существенны в ее истории?

Философия в недрах теологии

Специфические признаки русской философии, ее отличие от других европейских философий, стали обнаруживаться изначально (о них пойдет речь чуть позже). Но было у нее с ними и кое-что общее. Складывалась она в пределах той же религиозной общности, а эта последняя представляла собой в эпоху Средневековья, когда это происходило, весьма значимый фактор, организующий и объединяющий людей – по их вероисповедной принадлежности. Принятие христианства в конце X в. – сначала верхушкой общества, а затем и остальной его частью – означало подключение Руси к вполне определенному социальному пространству с той культурой и философией, которыми оно к тому времени располагало. Русская философия, что совершенно естественно, не могла бы стать здесь никакой иной, кроме как христианской.

Христианская философия, где бы она себя ни проявила, уже самым своим наименованием свидетельствует о принадлежности к религии, тесной связи с ней, зависимости от нее. Служанка теологии – вот ее социальный статус. Так воспринималась она современниками, и такой виделась она себе самой. Все же нет оснований отрицать ее и даже сомневаться в ней как особом идейном образовании. Феномен христианской философии общепризнан.

Вступив на путь христианизации, Русь застала христианский мир распавшимся на две части, одна из которых тяготела к Риму, другая – к Константинополю. В середине XI в., спустя всего несколько десятилетий после «крещения Руси», католицизм и православие стали реалиями религиозной жизни. Средневековая Русь оказалась в общности православной – вместе с Византией, лидировавшей в ней, откуда были почерпнуты новые религиозные воззрения, и которая надолго осталась для русского общественного сознания идейным авторитетом.

В Византии, как и на Западе, философия была очерчена достаточно четко. Восточная патристика – разновидность христианской философии на византийской почве – значительный идейный комплекс. Влиятельным философским течением являлся здесь и неоплатонизм, враждовавший с восточной патристикой, но также и обогащавший ее своими идеями, подавленный ею в VI в. и вновь возродившийся на последней стадии византийской истории.

И в Западной Европе, и в Византии философия, в ее античных вариантах, существовала еще до появления и распространения здесь христианства. Начисто искоренить ее, если такое намерение у кого-то из деятелей церкви и было, оказалось бы делом трудным, а то и безнадежным; представлялось, что целесообразней ее видоизменить. Другое дело – становление философии там, где философская традиция вообще отсутствовала, как это было на Руси. По логике церкви, зачем нужна философия, когда без нее можно обойтись? Ведь имеется нечто высшее по сравнению с ней, ее превосходящее, выражающее целостный взгляд на мир лучше, чем философия, – религия. Функции, исполняемые философией, и попыталась принять на себя русская ветвь христианства, точнее, ее теоретическая часть – теология. Философия оказалась не просто под эгидой религии, но в ее недрах.

Однако поглотить полностью одну форму общественного сознания другой никогда не удастся. Так произошло и в данном случае. Философия находилась с теологией в комплексе, но не

подменялась ею. В тексте, нефилософском по своему основному содержанию, обнаруживается философская концепция, рассуждение, символ. Философия, уже в своих первоначалах, пытается отъединиться от теологии, находя себе место в летописи или произведении средневекового книжника.

К настоящему времени проанализировано большое число литературных памятников русского Средневековья, богословских и светских, – трактатов и изборников, поучений и слов, повестей и житий, летописей и хроник, в работе над которыми наряду с философами приняли участие также литературоведы и историки. В итоге была раскрыта активная философская жизнь, проявлявшая себя под нефилософскими покровами. Некоторые проблемы, поставленные тогда, не утратили интереса и в наши дни; к ним обращается не только специалист, историк философии, но и читатель, желающий воспользоваться житейской мудростью прошлого: трактовками надежды, веры, милосердия, любви, представлениями об обязанностях власти, о ее ответственности, размышлениями о нестяжательности, противостоящей стяжанию, и о многом другом.

Философствующие литераторы

К философии причастны наследница русской книжности – позднейшая литература, а также литературная критика, не только разъяснявшая и комментировавшая художественные произведения, но и высказывавшая собственные суждения по поводу тех реальных проблем, которые в них были обозначены.

Взаимосвязи литературы с философией имеют несколько аспектов. Литература способна выполнять подсобную, прикладную функцию, распространяя философские представления в образном виде, прежде всего в стихах, что существенно увеличивает меру философского воздействия.

Пропагандируя научное мировоззрение, стихотворной формой пользовался М.В. Ломоносов. В его «размышлениях», «утреннем» и «вечернем», изложены философские представления о вселенной. В стихотворении «Случилось вместе два астронома в пиру...» коперниканская гелиоцентрическая система мира противопоставлена неадекватной действительности геоцентрической.

Стихотворную форму использовали декабристы. О том, насколько она была действенна, свидетельствует хотя бы тот факт, что Николай I приказал изъять стихотворения, написанные осуж-

денными, из их следственных дел и уничтожить. Гражданскую лирику декабристов органически дополняли произведения, ставившие мировоззренческие вопросы. Сохранилось философское стихотворение А.П. Барятинского «О боге» [Барятинский 1951, 440]. В нем автор вступил в литературную полемику с Вольтером, который придерживался того мнения, что если Бога и нет, то его – как сдерживающее для народа начало – следовало бы выдумать. Иначе решает этот кардинальный для философии вопрос декабрист: при виде зла, царящего в мире, бытие существа, благого и всемогущего, терпящего это, должно быть отвергнуто.

В противоборстве с западничеством славянофильство стремилось использовать то свое преимущество, что в составе его были известные поэты, дававшие его идеям стихотворный облик: А.С. Хомяков, Н.М. Языков.

Поэтический ресурс использовали и другие мыслители-философы, Д.В. Веневитинов, Н.П. Огарев, Н.А. Добролюбов, В.С. Соловьев, для того, чтобы сделать наглядным свое видение мира, обезоружить идейных противников.

В философской лирике проявляли себя и такие поэты, восприятию мира которых был органически присущ философский характер, чье поэтическое творчество не обошлось без оригинального философского поиска. Среди них – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.А. Блок.

Впрочем, отделение «прикладной» лирики от прочей весьма и весьма условно. Ведь и она включает в себя истинных творцов, произведения которых отличают талант и художественная ценность. Были и такие писатели, творчество которых выходит за пределы литературы, превращая их в философов по профессии. Они или активно поддерживают имеющиеся уже концепции, внося свои усилия в их обоснование, или же формулируют новые установки, являясь их основателями. В числе писателей, принадлежащих и философии, есть такие, которые, бесспорно, являются великими. Это – Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. То, что внесено каждым из них в философию, неоднозначно и по своим размерам и по своей направленности.

В 1847 г. опубликовал свою книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголь. Он заявил в ней о своей приверженности к теории официальной народности. В этой теории были определены основные элементы русской социальной жизни, на которые правительство опиралось и которым намечалось

сохранять приверженность в дальнейшем: самодержавие (в его Николаевском варианте), православие, поддерживающее его, народность, сопровождаемая крепостничеством. Сторонниками данной теории являлись не только беспринципные апологеты, но и видные деятели культуры – литераторы, историки – М.П. Погодин, С.П. Шевырев, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский. Теория нуждалась и в философской поддержке. Философом официальной народности и стал Гоголь.

В философии истории, представленной читателю в этой книге, Гоголь – сторонник и защитник монархии (имеется в виду, прежде всего, самодержавная); он возвеличивает ее. Для него монарх – «божий помазанник»; «клик божий» неумолкаемо раздается в его ушах. Ведя народ, вверенный ему Богом, он несет ответственность непосредственно перед ним, и только перед ним. Что же касается ответственности перед людьми, то монарх от нее совершенно свободен.

Невысокому мнению о Русской церкви в обществе и народе Гоголь противопоставляет свое видение ее. Он сравнивает ее с целомудренной девой. Ему кажется даже, что эта церковь со всеми своими догматами и обрядами снесена «прямо с Неба». В том, что россиянин – плохой православный христианин, виновата не церковь, а он сам. Ведь он уступает даже древнему язычнику: ленивее молится, хуже исполняет свой долг.

Во времена Гоголя крепостничество, изжитое уже в большинстве стран Европейского континента, в России испытывало кризис. Даже «в верхах» появляются сомнения о его дальнейших возможностях. Гоголь же, в соответствии с официальной доктриной, считает его неизблемым. Он напоминает новозаветные заповеди о покорности властям, о том, что нет власти не от Бога. Он утверждает, что крепостное состояние соотносится с этими заповедями.

Обращаясь к философии, разрабатывая ее, Ф.М. Достоевский представил свои соображения, свойственные и его романам, в цикле публицистических статей. Он был одним из основоположников особой философской школы – почвенничества. Достоевский был уверен в том, что «социальная правда» принадлежит народу и что, только обращаясь к нему можно узнать ее [Достоевский 1984, 21]. Он считал, что эта правда, выявленная им, состоит в том, чтобы сообщество людей явило собой общую гармонию, где каждому человеку принадлежало бы достойное место.

Л.Н. Толстого философия интересовала с юных лет. Профессионально он обратился к ней, учась в Казанском университете. Он подготовил целый ряд философских монографий, десятки статей, несколько антологий, собрав в них высказывания различных мыслителей по конкретным мировоззренческим вопросам. Толстой был лично знаком почти со всеми тогдашними русскими философами.

Большую известность имеет изложенная в его сочинениях концепция ненасилия, не сразу и не всеми, правда, понятая и оцененная. Толстой вовсе не призывал отказываться от противления социальному злу; он полагал лишь, что противодействовать ему, и весьма эффективно, можно и ненасильственными методами. Он предложил систему мер, способных парализовать существующее насилие и взять над ним верх: неучастие в имеющихся ныне социальных порядках, в том, что их поддерживает – в армии, судах, податях, «ложном учении» и т.п. Императорское правительство, в отличие от некоторых идейных оппонентов Толстого, усмотревших в его «непротивлении» лишь благодушную утопию, сразу распознало ее опасность. За распространение этих его взглядов легко было поплатиться ссылкой, тюрьмой, каторгой. В последствии принципа ненасилия последовательно придерживался М.К. Ганди в борьбе за освобождение Индии от колониальной зависимости, а также М.Л. Кинг в борьбе против американского расизма. Это послужило подтверждением того, что выдвинутая Толстым концепция имеет характер объективной истины, хотя это не единственное средство социальной борьбы, как это казалось ее автору, а всего лишь одно в числе прочих.

Не утрачивают интереса философские экскурсы Толстого в науковедение и искусствознание.

Взгляды Толстого-науковеда вызвали неприятие и вражду той сферы общества, которая была ими задета. То, что было высказано Толстым, искажалось; его обвиняли в том, что он отрицает науку. Но это было не так. Он утверждал, что наука так же необходима людям, как пища, питье, одежда, «даже необходимее» [Толстой 1937, 363–364]. Однако от «истинной науки» он отделял образование, имитирующее ее, внешне похожее на нее, но не только не имеющее родства с ней, но и представляющее собой полную ее противоположность. Характеризуя это явление, он обозначал его разными терминами, но суть их всех одна: так называемая наука, ложная, мнимая наука, квазинаука. Хотя те, кто занимается

такой «наукой» и причисляют себя к ученым, они не являются таковыми.

Представители ложной науки используют «научный жаргон» – темный, сложный, вычурный язык, не всегда понятный не только окружающим, но и им самим. В ее пределах ведутся бесконечные споры, имеют место разногласия. Но при этом есть ясность и единство в главном: данный строй жизни вечен, попытки изменить его бесполезны и бессмысленны. Имеющие власть внимательно следят за тем, что происходит в науке, и всячески поддерживают явление, о котором идет речь, и противодействуют той истинной науке, которая способна «обличить» существующие порядки.

В своем неприятии псевдонауки Толстой временами заходил слишком далеко, причисляя к ней отдельные проявления фундаментальной науки, относимые им к праздному и ненужному любопытству, связанные с практическими запросами через посредующие и промежуточные звенья. Но дифференцированное отношение к происходящему в науке и около нее, отмежевание от ее подделки сохраняют свою ценность и актуальность.

Не одномерно, как это наглядно показано в работах Толстого, и искусство. Подлинное искусство, идейно содержательное, нравственное, соответствует мировосприятию, выработанному историей, высшему в данное время. Оно преобразует эмоциональное восприятие действительности, вытесняя чувства низкие, недобрые и заменяя их иными, лучшими, способствующими благу людей.

Аналог квазинауки и близкое ей по духу явление, такая же деформация и аберрация, – «извращенное», «поддельное» искусство, которое Толстой противопоставляет настоящему. Это фальшивое явление отчуждено от людей труда, их интересов. Вдохновляющих стимулов оно лишено. Оно создает «фабричные произведения», не имеющие художественной привлекательности. Толстой сравнивал тех, кто причастен к таким поделкам, с евангельскими торговцами в храме. Он считал, что храм искусства – не храм, пока эти торгаши не изгнаны из него.

В 1834 г. в десяти номерах еженедельной московской газеты «Молва» было опубликовано произведение В.Г. Белинского «Литературные мечтания», сразу сделавшее его ведущим литературным критиком. Но содержало оно не только суждения о писателях и их творчестве. В «Литературных мечтаниях» были изложены и философские взгляды Белинского. И в дальнейших своих работах

он дополнял и сопровождал литературоведческий анализ философским. У Белинского нет сочинений, целиком и полностью посвященных философской проблематике, но имя его в русской философии – в числе общепризнанных. Г.В. Плеханов считал его «самой замечательной философской организацией, когда-либо выступавшей в нашей литературе» [Плеханов 1958, 466].

Единение русской литературной критики с философией после Белинского стало традиционным.

Представители философии в науке и искусстве

Вследствие открытости русской философии сложилось и такое идейное образование в ней, которое граничило с естествознанием. Будучи философским по принадлежности, оно имело с естествознанием прочные и устойчивые связи. Обращение ученых-естественников к философии, стремление соединить с ней собственную профессию вполне объяснимо: постановка теоретических проблем пробуждает интерес к философии, ориентирует на нее.

Из представителей этой группы первым должен быть назван М.В. Ломоносов. Он – основоположник русского естествознания. Он положил начало единению его с философией. Вечность мира, несотворимость вещества, из которого он состоит, изначальность движения, множество населенных миров – такова идейная платформа Ломоносова. Ломоносов – первый представитель русского философского материализма. Появление материализма как особого направления в западной философии связано с именем Ф. Бэкона. Философия – главный вид его научной деятельности. В русской философии это направление имело своим родоначальником Ломоносова, хотя и универсала, но все же по преимуществу естествоиспытателя.

В группе философов-естественников – И.М. Сеченов. Труд, прославивший его, – «Рефлексы головного мозга», – достояние и естествознания, и философии. Философские разработки, начатые Сеченовым здесь, и в дальнейшем сопровождали его естественнонаучные исследования. Рефлексы, в буквальном переводе с латыни, – отражения. Именно так и трактуются Сеченовым продукты сознания в их отношениях к внешнему миру. Предметный мир существует раньше мысли о нем и является первичным фактором по отношению к ней. Но все же высшая нервная деятельность – не аналог зеркала. Сеченовым было выяснено и показано, что между

чувственным восприятием действительности и мышлением, оперирующим абстракциями, – цепь переходов и превращений. Вывод может далеко отстоять от посылок, но все же в нем содержатся элементы прежнего опыта. Путем логических построений можно додуматься до новых истин, но только в том случае, если умозаключениям предпосланы факты [Сеченов 1947, 534]. Теория познания, имеющая философский характер, была сформулирована Сеченовым в соответствии с физиологическими данными, в том числе и прежде всего добытыми им самим.

И.И. Мечников – один из наиболее философичных русских естествоиспытателей. Он автор книг «Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии», «Этюды оптимизма», «Сорок лет искания рационального мировоззрения». В рамках философской антропологии Мечниковым были проанализированы две взаимосвязанные темы: о дисгармониях человеческой природы и об ортобиозе – полноценном жизненном цикле.

Наряду с гармоническими явлениями, существующими в живой природе, Мечников рассматривал также дисгармонические, возникающие, когда утратившие значение структуры и функции организма не успевают вовремя и бесповоротно сойти со сцены жизни. Он противопоставляет формуле Ж.-Ж. Руссо «как хорошо все, выйдя из рук творца, и как испорчено все руками человека», свое понимание проблемы. Мечников считает, что природа создала человека «дурно» (из-за быстроты выхода его из животного состояния), и его задача – в соответствии с объективно складывающимися возможностями совершенствовать собственную природу [Мечников 1954, 198]. Природа эта, слагаемые которой весьма разнообразны, содержит такие элементы, которыми стоит воспользоваться, чтобы сделать ее гармоничнее, а жизненный цикл – полноценным.

Мечников высказывал предложения, как гармонизировать отношения человека с обществом. Из-за своего крайнего несовершенства они подлежат переделке, причем «самой капитальной», что, в конечном счете, должно отразиться и на самой природе человека. Индивидуализму и эгоизму, царящим в обществе, крайностям богатства и бедности, которые его отличают, должны прийти на смену иные начала, соответствующие новому социуму. Это – взаимопомощь и солидарность в отношениях между людьми, отказ от роскоши и излишеств, трудовой, умеренный образ жизни.

Одна из тем, поднятых К.А. Тимирязевым, – наука и демократия. Такое название носит и его труд, заверченный и изданный перед самой его кончиной, в 1920 г., можно сказать, – его идейное завещание. Наука призвана помогать представителям труда. Демократии не устоять без науки – отрешенная от нее, она не может быть сильной. Науку и демократию Тимирязев рассматривал как «самые существенные элементы современной культуры» [Тимирязев 1939, 252].

Ученый говорил о тех трудностях, с которыми сталкивается наука в поисках социальной правды. В обществе есть силы, которым истина не нужна и которые создают для нее препятствия. Тимирязев уверен: «неразумная воля» способна задержать, затормозить социальный прогресс, негативно отразиться на исторических судьбах мысли, но она не в силах остановить движение вперед, преодолевающее, в конце концов, оказываемое ему сопротивление.

Среди различных работ К.Э. Циолковского, в которых решаются философские проблемы, можно выделить одну – «Монизм вселенной», не умаляя, разумеется, значимости остальных. Опубликована она была в 1925 г., переиздана в 1931. В ней и в других своих трудах Циолковский, воссоздавая картину космоса, говорил и о путях, методах его исследования. Здесь, как и всюду, без наблюдения и опыта – нет познания. Нет отражения без отражаемого. Но непосредственно космос все же до конца не постижим: лишь небольшая часть его доступна нашим органам чувств. Знания могут быть и «умозрительного характера» [Циолковский 1931, 57].

Вступала в свои права философия естествознания. Философский характер имеют представления, развитые Циолковским, о беспредельности космоса во времени и пространстве, о его кипучей, не имеющей остановок деятельности. Не может быть сомнений в том, считает Циолковский, что в бесчисленном ряду планет есть и такие, где имеется жизнь. Есть все основания предполагать, что космос обладает формами жизни, намного превосходящими земную, образовавшуюся сравнительно недавно.

До Октября Циолковский невысоко оценивал земную жизнь, сомневался в ее возможностях. Под влиянием советской действительности взгляды его на этот счет менялись. 4 ноября 1932 г., выступая в Калуге в доме Красной Армии с докладом по поводу 15-ой годовщины социалистической революции,

он говорил о том, что переживаемое время с его трудами, лишениями, жертвами ведет «к прекрасному и близкому будущему» [Циолковский 1932, Л. 16].

Причастны к русской философии и некоторые другие ученые-естествоиспытатели – Д.И. Менделеев, Н.А. Морозов, В.И. Вернадский, И.В. Мичурин, И.П. Павлов...

Труды, созданные на грани двух этих областей знания, выдвинутые при этом концепции и соображения, расширяли сферу философии, давали приращение философского знания.

Не менее значимо для русской философии соприкосновение ее с исторической наукой. Так же, как это было в естествознании, постановка теоретических вопросов направляла историков к науке, наиболее теоретичной по самой своей природе. Философские представления и категории привлекаются к изучению исторических событий и процессов. Те историки, которые причастны к идейным построениям общего порядка, изучают философию, испытывают ее воздействие, используют ее в своих исследованиях; историческая наука дополняется и ориентируется философией. Обогащенная философией, она, в свою очередь, не остается посторонней для нее. В ходе исторических исследований привлеченные философские начала уточняются, конкретизируются, отрабатываются. Философствующие историки оказывают воздействие на те разделы философии, которые им как исследователям близки. Разделы эти: философия истории, философия социальная и политическая, философия религии, философская антропология...

В.Н. Татищев, автор «Истории Российской» в семи томах, первой в русской науке, не только историк. Философия – один из аспектов его специализации. Именно он, философствующий историк, содействовал тому, чтобы русская философская мысль выделилась из той смеси с теологией, в которой она долгое время находилась, стала самостоятельной. Отстраненная от богословия, русская философия, помимо суверенности, обретает в его трудах еще и светский характер.

Активно контактировали с философией и некоторые другие русские историки, жившие и творившие позже, – М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский... Сближая историю с философией, они стремились проявить себя в обеих научных дисциплинах: не только в истории, но и в философии. Некоторые из них приняли участие в литературно-философских кружках. Притеснения философии

как предвестницы и участницы социальных перемен при Александре I и Николае I вызвали ответную реакцию: философские занятия из официальных сфер ушли в неофициальные – в кружки. Историк имел здесь возможность получать интересующую его информацию и самому участвовать в обсуждении философских проблем.

В 1823 г. с только что оформившимся кружком Любомудров сблизился Н.А. Полевой. Само название кружка – свидетельство его определенной принадлежности (любомудрие и философия в то время были равнозначными терминами). Именно в кружках, сменявших друг друга, первым из которых и явилось данное общество, совершались в течение четырех десятилетий восхождение, рост русского философского знания. К.А. Полевой, брат Н.А. Полевого, его единомышленник, участник его научной и издательской деятельности, в своих мемуарных «Записках», ему посвященных, характеризует его отношения с Любомудрами как приязнь, дружбу.

Т.Н. Грановский принял участие в двух таких кружках: сначала Станкевича – Белинского, затем западников. В первый из них он вошел в 1836 г., незадолго до этого, в 1835 г., завершив университетское образование. После распада этого кружка Грановский стал в 1840 г. одним из создателей еще одного – кружка западников. После идейного разрыва А.И. Герцена с его либеральной частью и отъезда в 1847 г. за границу лидирующее положение в кружке переходит к Грановскому и сохраняется за ним до его кончины в 1855 г.

С 1845 г. в этом кружке – С.М. Соловьев, начавший преподавание в Московском университете. А в 1846 г. он, не порывая и не ослабляя связей с западниками, сближается с их идейными оппонентами – славянофилами. Общение Соловьева со славянофилами хотя и не обрело устойчивости, постоянства и, в конце концов, прекратилось, не осталось, однако, без последствий. Участвуя в двух противоборствующих организациях, он настолько проникся философским сознанием, им свойственным, что совершил то, чего не сумели сделать антагонисты: понятия общего и особенного, рассматривавшиеся врозь и противопоставлявшиеся одно другому, были сопоставлены, приведены в единство, друг другом дополнены. Став совокупными, они были проработаны в его исторических трудах, выявили свое воплощение в событиях истории, в ее ходе.

На разных этапах социального развития вниманием философов-историков пользовались различные философские фигуры. Н.М. Карамзин, например, отдавал явное предпочтение Ж.-Ж. Руссо, который, как заявлял он в «Письмах русского путешественника», сильно действовал на него; ему был обязан Карамзин многими «из любезнейших» идей своих; душа Руссо отчасти «перелилась» в его собственную. Н.А. Полевой предпочитал Ф.В.Й. Шеллинга, его систему, – вместе с кружком Любомудров, с которым был близок.

Большим философским авторитетом стал в XIX столетии Г. Гегель, преемник Шеллинга, еще один представитель классической немецкой философии. Для философского сообщества были привлекательны его диалектический метод, разработки о неслучайном характере перемен, переживаемых обществом, о том, что история не является следствием чьего бы то ни было немотивированного произвола. На первых порах в кругу приверженцев Гегеля сложился даже своего рода культ: все, сказанное Гегелем, принималось на веру, допускались лишь обоснование, пояснение.

Находя, что об истории Гегелем были высказаны мысли самые меткие и глубокие, Грановский одним из первых обратил внимание также на недоработки, слабые стороны его учения, стал воспринимать его критически. Грановский отказывался признавать за истину выведенное априорно, без учета исторического опыта. Неприемлемо для него было низведение исторического процесса до степени абсолютной неизбежности, полной предопределенности [Грановский 2010, 445–447]. Грановский считал, что направленность исторического процесса сочетается с деятельностью людей, не могущих менять его по своей прихоти, но и не являющихся существами пассивными.

Содержательную критику Гегеля как объективного идеалиста дал В.О. Ключевский. По его мнению, в этой версии идеализма предметный мир, хоть он и признается независимым от сознания, в отличие от идеализма субъективного, но независимость эта формальна: действительность является «только формой» для творящих через нее духовных сущностей. Инициативы, при такой трактовке, лишается не только реальность, но и сам дух: после того, как «машина истории» заведена, и он вынужден следовать заранее предначертанному плану [Ключевский 1990, 189–190].

Не разделяя объективно-идеалистических установок Гегеля, Ключевский, однако, проявлял интерес к различным его произве-

дениям, их проблематике. Диалектичность, усвоенную через Гегеля, он дополнял материализмом, почерпнутым у Л. Фейербаха.

Русская философия проникала и в другие сферы – музыку, живопись, где она была представлена А.Н. Скрябиным, Н.К. Рерихом. Скрябин – не только композитор, но и философ. Согласно его философской системе, музыка аккумулирует в себе не только настроения, чувства, но и мировосприятие; музыка способна воздействовать на существующий мир, преобразовывать его. Рерих – автор книг о «живой этике», где речь идет о нравственном совершенствовании человека (в их подготовке участвовала Е.И. Рерих). Философские взгляды Скрябина и Рериха не были ограничены рамками их сочинений. Художественная интуиция воплощала их в творения искусства, темы и образы которого, музыкальные или живописные, имеют исключительную силу воздействия.

Выводы

Благодаря своим связям с другими областями интеллектуальной жизни русская философия обретала не только особенности, но и преимущества, ставшие ее неотъемлемым достоянием. Плодотворны были ее взаимодействия с социальной жизнью, литературой и искусством, наукой. Единение тех или иных ее проявлений с реальной действительностью и различными видами творчества и сегодня не утрачивают привлекательности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Барятинский 1951 – *Барятинский А.П.* О боге // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 2 т. Т. II / под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Госполитиздат, 1951.

Грановский 2010 – *Грановский Т.Н.* О современном состоянии и значении всеобщей истории (Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 1852 года, января 12 дня) // *Грановский Т.Н.* Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. и вступ. статья А.А. Левандовского, подг. текста и примеч. В.Л. Семигина и Д.А. Цыганкова. – М.: РОССПЭН, 2010.

Достоевский 1984 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 27. – Л.: Наука, 1984.

Ключевский 1990 – *Ключевский В.О.* Письмо П.П. Гвоздеву от 27 января 1862 г. // *Ключевский В.О.* Соч. В 9 т. Т. IX. – М.: Мысль 1990.

Мечников 1954 – *Мечников И.И.* Сорок лет искания рационального мировоззрения // *Мечников И.И.* Академическое собрание сочинений. В 16 т. Т. XIII. – М.: Медгиз, 1954. С. 198.

Плеханов 1958 – Плеханов Г.В. Белинский и разумная действительность // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. IV. – М.: Соцэкгиз, 1958.

Сеченов 1947 – Сеченов И.М. Элементы мысли // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. – М.: Госполитиздат, 1947.

Тимирязев 1939 – Тимирязев К.А. Наука, демократия и мир // Тимирязев К.А. Соч. В 10 т. Т. IX. – М.: Сельхозгиз, 1939.

Толстой 1937 – Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 25. – М.: Гослитиздат, 1937.

Циолковский 1931 – Циолковский К.Э. Монизм вселенной. – Калуга, 1931.

Циолковский 1932 – Циолковский К.Э. Социалистическое строительство. 31 октября 1932 г. // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 489. Л. 16.

REFERENCES

Baryatinsky A. (1951) About God. In: *Selected Socio-political and Philosophical Works of the Decembrists. In 2 vols. Vol. II.* Moscow: Gospolitizdat (in Russian).

Granovsky T. (2010) On the Current State and Significance of Universal History (Speech Pronounced in the Solemn Meeting of the Imperial Moscow University in 1852, January 12). In: Granovsky T. *Public reading. Articles. Letters.* Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Dostoevsky F. (1984) A Writer's Diary. In: Dostoevsky F. *Complete Set of Works. In 30 vols. Vol. 27.* Leningrad: Nauka (in Russian).

Klyuchevsky V. (1990) Letter to P. Gvozdev on January 27, 1862. In: Klyuchevsky V. *Works in 9 vols. Vol. IX.* Moscow: Mysl (in Russian).

Mechnikov I. (1954) Forty Years of Searching for a Rational Worldview. In: Mechnikov I. *Academic Collected Works. In 16 vols. Vol. XIII.* Moscow: Medgiz (in Russian).

Plekhanov G. (1958) Belinsky and Reasonable Reality. In: Plekhanov G. *Selected Philosophical Works. In 5 vols. Vol. IV.* Moscow: Sotsekiz (in Russian)

Sechenov I. (1947) Elements of Thought. In: Sechenov I. *Selected Philosophical and Psychological Works.* Moscow: Gospolitizdat (in Russian).

Timiryazev K. (1939) Science, Democracy and World. In: *Works in 10 vols. Vol. IX.* Moscow: Selkhozgiz (in Russian).

Tolstoy L. (1937) So What We Shall Do? In: Tolstoy L. *Complete Set of Works. In 90 vols. Vol. 25.* Moscow: Goslitizdat (in Russian).

Tsiolkovsky K. (1931) *Monism of the universe.* Kaluga (in Russian).

Tsiolkovsky K. (1932) *Socialist construction* / October 31, 1932. In: Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 555. Op. 1. Unit. 489. P. 16.